

—

(Часть 39)

После обсуждения вопроса о подаче рекомендательных форм Янь Чангэ позвал Нин Бучжэ и Линь Чэньбина, которые всё это время ждали в кабинете Шэнь Ифэя, и официально представил их начальнику Сюю:

«Эти двое — два храбреца, которых я покорил в подпольном бойцовском клубе. Они обладают высоким уровнем боевых искусств и богатым опытом поединков. Самое главное — в их сердцах сохранились зачатки совести, что является редкостью в подобной среде. Это доказывает, что они добры по своей натуре и являются чистыми людьми. Мое мастерство слишком велико, и многие виды оружия, которые могу использовать я, недоступны для новых полицейских. Эти же двое — совсем другое дело. Они используют обычное оружие и уделяют больше внимания обучению практическому бою. Они подходят новичкам гораздо больше, чем я».

Нин Бучжэ и Линь Чэньбин с момента прихода в полицейское управление Линьчэна находились в состоянии предельной бдительности. Линь Чэньбин крепко сжимал кулаки, а рука Нин Бучжэ ни разу не покидала рукояти меча. Они были полны жажды убийства, которую такие закаленные в боях люди, как Шэнь Ифэй и начальник Сюй, должны были почувствовать мгновенно. Но Янь Чангэ стоял рядом с ними и своей небрежно источаемой свирепой аурой попросту подавлял их жажду убийства, так что со стороны казалось, что у этих двоих нет иных недостатков, кроме излишней молчаливости.

Иногда то, является ли человек хорошим или плохим, познается в сравнении.

«Сразу видно — мастера», — кивнул Шэнь Ифэй. — «Только вот можно ли им доверять?»

«Конечно, можно», — Янь Чангэ достал контракт из портфеля, который всё это время носил с собой. — «Я выплатил три миллиарда неустойки».

«Три миллиарда!» — пальцы Шэнь Ифэя задрожали, когда он принимал контракт. — «Как ты только не пожалел таких денег?»

Янь Чангэ спокойно ответил:

«Будь я один, мне не нужны были бы никакие контракты и знакомые. Я бы просто протаранил ринг внедорожником, заставил их отдать контракт, деньги и отпустить людей. Но со мной был Цюй Лянь, за спиной которого стоит вся семья Цюй. Если бы я просто так забрал эти три миллиарда с ринга, то в итоге кто-нибудь обязательно попытался бы взыскать их с корпорации Цюй. Вместо того чтобы брать эти три миллиарда, которые всё равно не дадут спокойно

забрать, лучше обрести двух высококлассных и порядочных соратников. Никакие миллиарды не купят такое сокровище. Я считаю, что остался в выигрыше».

Нин Бучжэ и Линь Чэньбин невольно переглянулись. Они никогда не думали, что кто-то может так на них смотреть.

Начальник Сюй продолжал разглядывать их. Он понимал, что прошлое у них не из лучших, и вопрос о том, делать ли их инструкторами для новичков, требовал обдумывания. Но увидев их нынешнюю реакцию, которая хоть и была мимолетной, но не укрылась от него, он решил: раз они способны на благодарность, значит, их характер не может быть совсем плохим.

«То есть, ты лично нанимаешь их в качестве своих ассистентов?» — начальник Сюй мгновенно придумал им официальный статус.

«Именно так. Как ассистенты, они будут временно заменять меня, когда у меня не будет времени», — последовал за словами начальника Сюя Янь Чангэ, про себя восхищаясь прозорливостью старика. Одной фразой начальник Сюй решил проблему их сомнительного статуса.

«Раз они ассистенты инструктора Яня, то, конечно, проблем нет», — кивнул начальник Сюй. — «Но раз уж они становятся сотрудниками управления и получают государственную зарплату, то не должны ли они также постоянно следовать за новыми полицейскими и проходить курс идеологического и политического воспитания?»

«Что это значит?» — не понял Янь Чангэ.

«Дело в том», — пояснил начальник Сюй. — «Что обучение новичков в Линьчэне сочетает в себе теорию и практику. Например, утренняя зарядка: сначала все тренируются, затем завтракают. После завтрака нельзя сразу переходить к физическим нагрузкам, нужно дать пище усвоиться. В это время кто-то зачитывает материалы для утреннего чтения, проводится изучение политической теории. Такие занятия проходят также после обеда и перед сном. Ассистенты должны жить и питаться вместе с учениками, так не нужно ли и ассистентам изучать теорию? Не знаю, каковы успехи уважаемых господ в политике? Если вы уже получали подобное образование и у вас есть подтверждающие документы, то вместе со всеми учиться не придется».

Нин Бучжэ и Линь Чэньбин: «...»

Глаза Янь Чангэ загорелись, он с жаром пожал руку начальнику Сюю:

«Начальник Сюй поистине предусмотрел всё до мелочей! Высота и глубина вашего взгляда на вещи разительно отличаются от нас, простых смертных. Вы достойный руководящий кадр. Я-то считал, что, ежедневно просвещаясь «Вечерними новостями» и «Жэньминь жибао», уже обладаю высокой политической сознательностью, но в сравнении с начальником Сюем

понимаю, что мне еще нужно усердно учиться!»

Янь Чангэ беспокоился, что черты характера, сформированные у этих двоих в бойцовском клубе, повлияют на их будущую жизнь. Он хотел найти время, чтобы стереть их прежнее восприятие мира и заложить новые ценности, но это неизбежно сократило бы время на его собственную учебу, добрые дела и свидания с Цюй Лянем. Предложение начальника Сюя убивало двух зайцев разом. Янь Чангэ верил, что после коллективной дисциплины и изучения теории Нин Бучжэ и Линь Чэньбин станут опорой общества, подадут пример для исправления нравов в Ассоциации Боевых Искусств и помогут в достижении его цели — превращении накопления заслуг в масштабное дело.

Начальник Сюй также с энтузиазмом ответил на рукопожатие: «Ну что вы, я и сам после прошлого разговора с инструктором Янем осознал многое. Понял, что в любом возрасте нельзя забывать о прогрессе, нужно учиться до старости. Я заново прошел системное обучение, чтобы перестроить свою сознательность, оттого и выгляжу сегодня так бодро. Если инструктор Янь тоже хочет учиться, у меня есть подарочное коллекционное издание речей лидеров прошлых лет. Если пожелаете, я, скрепя сердце, одолжу его вам».

«Это великая милость!» — обрадовался Янь Чангэ. — «С тех пор как я попал в современное общество, я глубоко чувствую, что те старые и прогнившие теории, что я знал раньше, здесь неприменимы. Я давно хотел найти возможность системно обучиться, но страдал от отсутствия наставника. Теперь, когда начальник Сюй так великодушно дарит мне книги, я безмерно благодарен».

С этими словами начальник Сюй тут же выудил из шкафа комплект книг толще «Оксфордского словаря», которые выглядели так, будто их никогда не открывали, и вручил их Янь Чангэ, подчеркнув, что внутри — самая суть, и изучать их нужно в контексте исторических событий для глубины понимания.

Шэнь Ифэй, Нин Бучжэ и Линь Чэньбин: «...хе-хе...»

Уладив всё с начальником Сюем, четверо вышли из кабинета. Янь Чангэ передал Нин и Линя Шэнь Ифэю, чтобы тот отправил их в тренировочный лагерь. Он также наказал Шэнь Ифэю обязательно подготовить экзамены по культурным дисциплинам для новичков и ассистентов, чтобы проверить результаты их политического обучения. Если экзамен не будет сдан — придется учиться заново.

Шэнь Ифэй: «...»

Он долго с сочувствием смотрел на Нин и Линя и наконец не выдержал: «Янь Чангэ, у меня один вопрос: ты с ними в ссоре? Какую обиду ты затаил, что принуждаешь двух «богов войны» зубрить политику?»

Янь Чангэ удивился: «Как это можно называть «принуждением»? Это же прекрасная возможность повысить квалификацию за государственный счет. Нужно благодарить

организацию и руководство за такой шанс. Я бы сам мечтал о такой возможности, разве не видишь — мне приходится заниматься самообразованием?»

Он помахал тяжелыми книгами перед лицом Шэнь Ифэя.

Шэнь Ифэй: «...»

Нин и Линь в конце концов были побежденными противниками Яня, в какой-то мере его трофеями, и не могли отказаться от его распоряжений. Им оставалось лишь молчать и терпеть, думая: «Всего лишь немного уроков культуры, что в этом такого?»

Но когда они прибыли в учебный центр и вместе с курсантами, с квадратными от напряжения головами, начали готовиться к закрытому экзамену (услышав при этом, что в прошлые годы экзамен был открытым, а в этом, по совету инструктора Яня, стал закрытым), они по-настоящему поняли, что означало то сочувственное и сложное выражение лица Шэнь Ифэя.

Однако благодаря тому, что они, будучи ассистентами, проходили через эти мучения вместе с курсантами, заложили прочный фундамент для их будущего статуса главных инструкторов полиции и отрядов вооруженной полиции Линьчэна. В итоге, становясь год за годом «гениями экзаменов», они достигли небывалых высот в политической грамотности и знании государственных дел. Они стали двумя всесторонне развитыми инструкторами, способными и лекцию прочитать, и мастерство показать.

Спустя десятилетия в программе «Интервью со знаменитостью» Нин и Линь в один голос заявят, что своими достижениями обязаны президенту Ассоциации Боевых Искусств Янь Чангэ, ведь именно он научил их, как важно быть хорошим человеком. Разумеется, при этих словах они так скрежетали зубами, что их выражение лица совсем не походило на благодарность, что и было запечатлено камерами для истории.

Янь Чангэ не знал, что случится в будущем. Передав Нин и Линя Шэнь Ифэю, он со спокойной душой повез Цюй Ляня домой.

Цюй Лянь всё еще с тревогой спрашивал: «Почему ты отправил Нин Бучжэ в учебный центр? Вдруг он действительно мой старший брат, я...»

«Если он действительно твой брат, то в учебном центре ему безопаснее всего», — сказал Янь Чангэ. — «В этом году обучение новичков проходит совместно с отрядами вооруженной полиции прямо на их базе. Там находится самый полный оружейный склад в Линьчэне, никто не посмеет ворваться туда».

Цюй Лянь закусил губу и промолчал. Ему очень хотелось спросить брата, через что тот прошел за эти годы, почему не узнает его и почему так изменился до неузнаваемости. Несмотря на то, что тест на отцовство еще не был сделан, в глубине души Цюй Лянь уже был уверен: Нин Бучжэ — это его брат Цюй Хуэй. Ему не нужны были доказательства, это было исключительное

чувство между родными людьми, чего Фэн Яо никогда не мог себе представить.

Когда Нин Бучжэ и Линь Чэньбин были спасены, Янь Чангэ получил заслуги за обоих. Небесный Путь не добавил бы ему заслуг за то, что он потратил огромную сумму — два человека стоят столько-то заслуг, сколько бы денег ни было потрачено. Но когда Янь Чангэ отправил их тренировать полицейских, он тут же получил огромный прилив заслуг. Потому что эти двое, помогая в обучении, в будущем уберегут многих полицейских от гибели из-за нехватки навыков, а эти окрепшие полицейские, в свою очередь, помогут множеству людей и поймают еще больше преступников. Заслуги от этого действия были безграничны; сейчас Небесный Путь выдал Янь Чангэ лишь «задаток», а в будущем они наверняка будут течь непрерывным потоком.

Эти заслуги восполнили недавние потери Янь Чангэ, избавив его от необходимости бродить по улицам в поисках нуждающихся или давать деньги нищим, проверяя, не обманщики ли они.

Когда они вернулись домой, прибыла огромная посылка.

«Что это?» — Янь Чангэ по просьбе Цюй Ляня перенес ящик на крышу.

«Кое-что хорошее для тебя», — загадочно улыбнулся Цюй Лянь, доставая ножницы.

«Зачем такие сложности?» — Янь Чангэ провел пальцами по картонной коробке, и без видимого орудия ящик тут же развалился на части.

Увидев содержимое, Янь Чангэ редко для себя проявил восторг.

«Солнечный генератор», — Цюй Лянь похлопал по аппарату. — «Конечно, не такой мощный, как электростанция, но гораздо сильнее нашей домашней сети. Этот генератор преобразует солнечный свет в электричество и может накапливать его. Моя идея в том, чтобы мы заряжали его, ты бы использовал накопленное, а потом снова заряжал. Хоть это и не сверхмного, но при постоянном накоплении должно набраться порядочно».

«Это просто замечательно!» — Янь Чангэ пару раз похлопал генератор, обернулся, обнял Цюй Ляня и поцеловал его в щеку. — «Огромное тебе спасибо».

«Да пустяки», — лицо Цюй Ляня слегка покраснело, и он продолжил. — «Обычные генераторы работают на дизеле. Если бы я купил такой, мне бы понадобилось много топлива, что вызвало бы подозрения. А энергия для солнечного генератора неисчерпаема. Просто оставляй его на крыше на солнце. В любой солнечный день сможешь пользоваться».

«Такие генераторы не продаются в обычных магазинах», — Янь Чангэ посмотрел на Цюй Ляня.

«Ну, я попросил кое-кого купить», — Цюй Лянь почувствовал себя неловко. — «В любом

случае, это не стоило дорого, мои деньги всё равно лежат без дела».

Он, казалось, совершенно не привык к похвалам. Цюй Ляню было проще справляться с неприязнью и ненавистью, чем с благодарностью.

Раньше Янь Чангэ смотрел на всех одинаково, не отличая красивых от некрасивых. Но сейчас он впервые от всего сердца осознал, что Цюй Лянь прекрасен. У него действительно были основания для гордости — он был очень красивым человеком.

Заметив, что Цюй Лянь под его взглядом постоянно моргает, пытаясь избежать зрительного контакта, Янь Чангэ наконец сделал то, что давно хотел: он приложил палец к глазам Цюй Ляня, чувствуя, как ресницы раз за разом щекочут кожу. Это покалывающее ощущение, похожее на легкий разряд тока, принесло ему неопишуемое удовольствие.

Янь Чангэ наклонился и глубоко поцеловал Цюй Ляня. Этот захватывающий поцелуй, казалось, стирал все мысли из головы юноши, заставляя его видеть и чувствовать только Янь Чангэ. У Цюй Ляня закружилась голова, он и не заметил, как его перенесли в спальню. Одежда пришла в беспорядок, на руках едва держалась одна рубашка, а остальные вещи обрывками осыпались на пол.

(Часть 40)

В этот момент у Цюй Ляня уже не было сил думать о том, достаточно ли у него энергии и нужно ли продолжать восстанавливать тело. Он мог лишь бессильно опираться на плечо Янь Чангэ, позволяя тому распоряжаться своим телом.

«М-м...» — Цюй Лянь издавал чарующие звуки под прикосновениями Янь Чангэ. Он потянулся и с силой стянул с Янь Чангэ рубашку. Прижав ладони к его прохладной коже, он прошептал: «Твое тело такое холодное».

Кожа Янь Чангэ была бронзового оттенка, плечи — широкими, грудь — мощной, а мышцы на руках — напряженными. Всё в нем было идеально: от лица до фигуры, от боевых искусств до эрудиции, от интеллекта до чувств. Цюй Лянь в возбуждении сжимал руки Янь Чангэ, чувствуя прохладу его пальцев на своей коже.

«Спасибо», — услышал он над ухом низкий голос Янь Чангэ с металлическим оттенком.

Сознание Цюй Ляня затуманилось, словно околдованное этой благодарностью, и он наконец честно выдохнул: «Главное, чтобы ты был счастлив».

«Я очень счастлив», — продолжал искушать Янь Чангэ. — «Я тоже хочу сделать тебя счастливым. Подскажи мне способ, ладно?»

«Меня?» — тихо сказал Цюй Лянь. — «Когда ты со мной, я уже счастлив».

С тех пор как он встретил Янь Чангэ, его тело крепло день за днем, он вернул себе достоинство и гордость мужчины; утраченные техники семьи Цюй были восстановлены, он нашел брата... С Янь Чангэ он был счастлив каждый день.

«Правда?» — прошептал Янь Чангэ ему на ухо. — «Я знаю, чего ты хочешь. Я сделаю это как можно скорее».

Как можно скорее? Что — скорее? Голова Цюй Ляня соображала туго, он лишь чувствовал, как рука Янь Чангэ легла на его дантянь, и потоки тепла хлынули в его тело. В отличие от прошлых разов, это тепло не вызывало привычного возбуждения, а разливалось по всем конечностям, даря ощущение неги.

«Это...» — Цюй Лянь широко раскрыл глаза и увидел, как Янь Чангэ нежно ему улыбается.

«Пробиваю твои меридианы», — спокойно сказал Янь Чангэ.

Тело Цюй Ляня уже было достаточно восстановлено. Истинная энергия, которую Янь Чангэ вливал в него ранее, полностью усвоилась, и меридианы стали достаточно крепкими, чтобы выдержать его мощь. Иногда телесные повреждения нельзя вылечить только лекарствами и внешней помощью — нужно собственное восстановление. Если Цюй Лянь сможет сам практиковать дыхательные техники для укрепления здоровья, его восстановление пойдет гораздо быстрее.

«Через мгновение может стать больно, потерпи», — предупредил Янь Чангэ.

Сказав это, он увеличил напор силы. Сокрушительная мощь хлынула в тело Цюй Ляня, насильно пробивая заблокированные меридианы.

Это не было похоже на боль от раны или болезни в каком-то одном месте. Болело всё тело, каждая клеточка, каждая косточка. Словно раскаленной иглой прочищали забитые нервы, и не в одном месте, а сразу в бесчисленных точках.

Цюй Лянь от боли не мог даже вскрикнуть, он лишь мелко дрожал в объятиях Яня, покрываясь холодным потом. Телесная мука заставляла его подсознательно вырываться, но рассудок пригвоздил его к телу Янь Чангэ. Он терпел, стиснув зубы, пот градом катился по его лбу, капая на руки Яня.

«Не двигайся», — Янь Чангэ, видя, что его трясет слишком сильно, крепко схватил его за руки. — «Лишнее движение может повредить меридианы, которые сейчас открываются. Ни в коем случае не двигайся».

Услышав это, Цюй Лянь тут же закусил губу, заставляя себя замереть. Его взгляд затуманился, он был на грани потери сознания, но из последних сил держался в реальности.

Янь Чангэ было больно видеть его мучения, но он не мог ускориться, иначе повредил бы каналы. Он должен был поддерживать энергию на определенном уровне, а Цюй Ляню оставалось только терпеть.

Время словно растянулось. Цюй Ляню казалось, что прошли сутки, прежде чем дикая боль начала утихать. Теплые потоки, входящие в тело, тоже постепенно исчезли. Цюй Лянь бессильно взглянул на Янь Чангэ.

«Всё кончено», — мягко сказал Янь Чангэ. — «Можешь отдыхать».

Услышав это, Цюй Лянь тут же обмяк и потерял сознание прямо у него в руках.

Глядя на этого внешне хрупкого, но невероятно стойкого человека, Янь Чангэ нежно поцеловал его в лоб. Похоже, он познал еще один вид человеческих чувств.

Цюй Лянь не понимал, спит он или находится в шоке. Он лишь знал, что лежал очень долго — так долго, что ему показалось, будто он умрет от голода, если проспит еще хоть немного.

В комнате разлился упоительный аромат. Ресницы Цюй Ляня дрогнули. Услышав чистый звук столкновения ложки о фарфоровую миску, он невольно сглотнул слюну.

«Такая ароматная каша... если сейчас же не встанешь, я пойду и скормлю её Сяо Мао», — услышал он голос Янь Чангэ.

Нет, он ужасно голоден! Цюй Лянь хотел закричать, но обнаружил, что не может разомкнуть губ. Он услышал удаляющиеся шаги Яня, хотел схватить его за руку, но не смог даже пошевелиться.

Тело было таким тяжелым, хотелось спать вечно. Но голод был сильнее, он хотел есть, хотел, хотел...

Цюй Лянь резко распахнул глаза и в одном прыжке взлетел невероятно высоко, бросаясь в сторону Янь Чангэ. Янь Чангэ, услышав звук за спиной, с улыбкой обернулся и поймал его в объятия: «Не прыгай так далеко, пока не выучил технику легкости, можешь пораниться».

«Я не...» — Цюй Лянь хотел возразить, но внезапно осознал, что одним прыжком преодолел метров семь-восемь. Причем это был не прыжок с разбега, а прыжок прямо из положения лежа. И если бы Янь Чангэ не преградил ему путь, он, вероятно, улетел бы еще дальше.

Янь Чангэ взял его за запястье, проверяя пульс, и спустя мгновение задумчиво произнес: «Похоже, восстановление прошло успешно. Меридианы открыты, тело стало гибче. Хотя ты уже и вышел из возраста для начала занятий, твое нынешнее состояние позволяет изучать не слишком сложные техники».

Цюй Лянь попробовал пошевелить рукой и обнаружил, что тело стало небывало легким, а внутри пульсирует неведомая сила.

«Значит, я могу учить техники меча семьи Цюй?» — с восторгом спросил он.

«Конечно», — Янь Чангэ обнял его.

«Тогда... тогда... можно ли мне теперь лишиться первородной энергии ян?» — Цюй Лянь выбрал более деликатный способ спросить об «этом».

Янь Чангэ со вздохом покачал головой: «Обычные люди в мире боевых искусств стараются как можно дольше хранить чистоту, чтобы не растерять врожденную энергию. В мире много соблазнов, и многие не могут устоять, теряя энергию слишком рано, из-за чего их мастерство не может достичь вершин. У тебя сейчас есть все условия, почему бы не воспользоваться шансом и не потренироваться? Зачем тебе так нужно лишаться чистоты?»

Цюй Лянь надулся: «Жить с любимым и каждый день «питаться травой», сдерживаясь... я терпел столько лет! Если ты посмеешь заставить меня учить техники «девственника», я ни за что не буду тренироваться!»

««Техники девственника» не обязательны», — покачал головой Янь Чангэ. — «Впрочем, ладно. Ты и так не слишком стремишься к высотам мастерства, а меридианы я пробил лишь для укрепления твоего здоровья, так что сдерживаться необязательно. Я научу тебя одной дыхательной технике, она укрепляет корни и питает тело. Занимайся усердно. Когда достигнешь третьего уровня, твоему здоровью больше ничто не будет угрожать».

«А сколько времени нужно до третьего уровня? Пять лет или десять?» — спросил Цюй Лянь.

«Это зависит от твоей понятливости», — ответил Янь.

«Учи меня, я начну прямо сейчас».

«Не спеши, сначала поешь. Ты проспал трое суток, неужели не голоден?» — Янь Чангэ подвел его к столу и вложил палочки в руку.

Несмотря на нетерпение, сердце Цюй Ляня переполняла радость. Каша, сваренная лично Янь Чангэ, показалась ему невероятно вкусной.

Янь Чангэ никогда не видел человека, который так жаждал бы «подарить» свою чистоту. Помня о своих странных телесных реакциях ранее, он заинтересовался этим поведением, к которому прежде был равнодушен. И пока Цюй Лянь ушел в душ, Янь открыл его компьютер.

На жестком диске хранились те самые видео, которые Цюй Лянь когда-то хотел ему показать. Янь Чангэ открыл одно наугад, посмотрел немного и нашел это скучным.

Он видел слишком много человеческих тел; люди, предаваясь тайным утехам, никогда не думали скрываться от меча. Что там видео — Янь Чангэ видел предостаточно «натуральных» сцен, и никогда это не вызывало у него отклика. Чем думать об этом, лучше найти подходящие ножны и отдохнуть.

Пока он размышлял, вышел вымывшийся Цюй Лянь, обернутый лишь в одно полотенце. Он и раньше был красив, но теперь, после очистки меридианов, в нем произошли коренные перемены. Прежде его кожа была болезненно-бледной, теперь же она стала похожа на белый нефрит, излучающий мягкое сияние.

Раньше под кожей были лишь вялые мышцы, но под воздействием силы Янь Чангэ проступили четкие контуры, худое тело стало выглядеть здоровым. От горячей воды его щеки чуть розовели.

Янь Чангэ окинул его взглядом. Видя, как хорошеет это тело под его лечением, он почувствовал странный укол в груди. Он закрыл видео и сказал: «Так ты выглядишь гораздо лучше. Но нужно еще потренироваться, чтобы на животе проступили линии пресса и «русалочьи линии», тогда будет идеально».

«Правда?» — из-за частых отказов Цюй Лянь уже не верил, что может вызвать в нем интерес. Он подбежал к зеркалу в полный рост и стал крутиться: «Вроде и правда стал здоровее, даже лицо сияет. Врач говорил, что из-за истощения моя внешность — это лишь маска, и после тридцати я резко постарею, а к сорока буду как шестидесятилетний дед. После твоего лечения ведь этого не случится?»

«Конечно, не случится», — лицо Янь Чангэ оставалось бесстрастным, он смотрел на Цюй Ляня без тени вождления. Но на самом деле в его сознании уже невольно накладывался образ Цюй Ляня на кадры из только что увиденного видео. Нефритовая талия Цюй Ляня, зажата в его ладонях, и то, как юноша в его объятиях тихо зовет его по имени...

Цзэн — в комнате внезапно раздался протяжный звон меча.

«А?» — Цюй Лянь огляделся по сторонам, выбежал в коридор, заглянул в комнаты: «Что это за звук? Кажется, я уже слышал нечто подобное...»

«Тебе послышалось», — невозмутимо ответил Янь Чангэ.

«Да ну?» — во время движения полотенце на талии Цюй Ляня чуть сползло, обнажая ямочки на поясице и мелькая перед глазами Янь Чангэ.

Цзэн — снова звон меча.

«О! Я вспомнил!» — Цюй Ляня осенило. — «Кажется... в общем, мне было меньше пяти лет, папа танцевал с мечом перед нашим родовым алтарем. Когда движения становились особенно захватывающими, меч издавал такой звук. Папа говорил, что это поют одухотворенные мечи. Когда они встречают достойного хозяина и видят предел мастерства, дух меча издает этот звонкий клич. Это звук единения великого меча и великого воина, одно без другого невозможно».

«Не совсем так», — Янь Чангэ смотрел на поясицу Цюй Ляня, не меняясь в лице. — «Звук, который ты слышишь — это возбуждение от прилива эмоций. А также радость от встречи с желанным хозяином или достойным противником. И плач по павшему господину».

«Вот оно как», — Цюй Лянь вытер волосы полотенцем, сел на кровать, закинув ногу на ногу. — «Не знал, что у мечей тоже есть чувства. Но откуда всё-таки шел этот звук?»

Округлые пальцы его ног покачивались прямо перед Янь Чангэ. Тот сжал кулаки, сдерживая радостную песнь меча внутри себя, и хладнокровно произнес: «Кто знает. Наверное, тебе правда послышалось. У меня отличный слух, но я ничего не слышал».

«Да?» — Цюй Лянь потер ухо. — «Неужели у меня звон в ушах?»

Мочка его уха от трения стала алой, как прозрачный рубин.

«Не забивай голову, одевайся скорее. Уже глубокая осень, если не будешь в тепле — простудишься», — сказал Янь Чангэ и, накинув на него халат, запахнул его.

Цюй Лянь перехватил его руку, растроганный: «Ты так добр ко мне. Когда же мы сможем... кхм, ладно, молчу».

«Я сделаю это как можно скорее», — тихо проговорил Янь Чангэ.

«А?» — Цюй Лянь уставился на него с недоумением.

«Я сказал, что как можно скорее найду способ», — ответил Янь Чангэ, словно обращаясь и к нему, и к самому себе. — «Не спеши».

Цюй Лянь мгновенно покраснел.

Янь Чангэ молча смотрел на него некоторое время, затем встал: «Пойду на крышу, подзаряжусь».

Цюй Лянь: «...»

—

Автору есть что сказать:

Когда Цюй Лянь еще не знал о сущности Янь Чангэ:

Янь Чангэ учит Цюй Ляня фехтованию. В один из дней Янь не пришел, Цюй Лянь увидел на тренировочной площадке лишь драгоценный меч и решил потренироваться с ним сам.

После тренировки Цюй Лянь берет меч с собой в душ.

Меч: *Цзэн —*

После душа он смотрит на фото Янь Чангэ и решает «развлечься» рукой.

Меч: *Цзэн —*

Закончив, он ворчит: «И куда этот Янь Чангэ подевался?»

Меч: *Цзэн —*

Цюй Лянь: «?»

Однажды, когда они уже «в процессе» на пике страсти:

Янь Чангэ: *Цзэн —*

Цюй Лянь: «...»

—

<http://bllate.org/book/14517/1285739>